

УДК 130.31

ОТЧУЖДЕНИЕ В СТРУКТУРЕ ЦЕЛЕПОЛАГАНИЯ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА

З.К. Давлетшин

Аннотация

В статье рассматриваются вопросы соотношения личностного и общественного начал в постиндустриальном социуме, анализируется роль субъекта в развитии последнего, его волеизъявление и условия, в которых формируется собственно индивидуальное целеполагание. Главным критерием исследования является констатация феномена отчуждения как определяющего аспекта в общественных отношениях.

Ключевые слова: целеполагание, постиндустриальное общество, отчуждение, общественные отношения, капитал.

Понятие отчуждения, как известно, включает по крайней мере два аспекта. Во-первых, это отчуждение субъекта от самого себя и, во-вторых, это его отчуждение от социума. Если в период индустриализма они находились в стадии формирования, то теперь приобрели вид завершенной инсталляции. Все эти моменты тесно связаны и репрезентируются в процессе общественного производства. Важно иметь в виду, что в его рамках труд нельзя рассматривать лишь как синоним слова «работа», ведь «деятельность человека, которая для одних создает богатства, а других ведет к обнищанию, не может быть действительной деятельностью, то есть трудом. Такой процесс именуется работой. Такого рода человеческая деятельность противоречива и наносит ущерб непосредственно рабочим, которые лишены счастья быть людьми» [1, с. 150–151]. В данном случае уместна аналогия и с дифференциацией понятий частной и индивидуальной собственности. Под первой имеется в виду то, что владелец средств производства использует их для системообразующей эксплуатации [2, с. 43], тогда как вторая предполагает, что индивидуальный собственник сам осуществляет трудовой процесс. Частный собственник «безучастен непосредственно к процессу производства, а непосредственный производитель в условиях частной собственности совершенно оторван от средств производства, они ему не принадлежат» [2, с. 43]. Ситуация, при которой производители не имеют доступа к результату производства, приводит к отчуждению индивидов от самих себя. Как отмечает В. Парцвания, Марксово понимание отчужденного труда в интерпретации некоторых переводчиков не совпадает с тем, что на самом деле имел в виду Маркс. Так, под отчужденным трудом он видит не труд как таковой вообще, а труд-работу. Отчужденность в данном случае – «отсвоенный» конечный продукт, результат [1, с. 151]. Таким образом, происходит девальва-

ция сути самой деятельности, поскольку индивид в производственном процессе рассматривается как полезный объект, а не как конечная цель (общественного) производства. Соответственно отчужденными предстают и производственные отношения [1, с. 151]. А если учесть, что сам общественный человек реализует свою родовую сущность в труде, то его целеполагание и сама жизнь предстают с аксиологической точки зрения лишенными всякой актуальности, а потому – бессмысленными. Необходимо подчеркнуть, что «ни одна человеческая деятельность при наличии товарно-денежных и денежно-товарных отношений не оплачивается эквивалентно физическим и умственным затратам... и именно на разнице между заслугами и их неэквивалентными оценками зиждется все мировое богатство, которым охотно распоряжается имущая часть общества (то есть его меньшинство)» [1, с. 151]. И хотя воображаемая свобода по «божьей милости» предоставлена частному собственнику средств производства, в действительности она призрачна в условиях, когда непосредственные производители – а это подавляющее большинство членов общества – выступают в качестве средства создания материальной основы свободы для других [2, с. 43–44].

Что касается отчужденности от социума, следует сказать, что подлинно человеческое общественное бытие детерминировано, как говорил Виктор Франкл, ориентированностью на нечто внешнее, что не является самим индивидом. Именно в служении делу и окружающим людям человек реализует себя, и чем больше при этом он отдает себя, тем более эксплицируется его самобытность [3, с. 30]. Однако в условиях отчужденности субъекта от самого себя в рамках производственного процесса социальные отношения определяются все-таки успехами индивида на «рабочем» поприще.

Тотальная ориентация на достижение максимальной эффективности в производстве лишает трансцендентальную связь субъекта с окружающей его природой той духовности, которая присуща этике гуманного человека. Отсюда – отчуждение от мира. Таким образом, вытекающие одно из другого и взаимно обусловленные аспекты отчуждения постиндустриального периода формируют негативную социально-психологическую тотальность. Рассмотрим все указанные моменты более подробно.

Сегодня нет сомнений в том, что понятие социальности гораздо более сложно, нежели было сто лет назад. Очевидно также и то, что процессы разделения труда и вещного обмена – объективные атрибуты, которые лежат в основе развития производительных сил и общества в целом, которые, по сути, в совокупности и есть социальность. При этом принадлежность отдельного конкретного индивида к социуму – и формальная, и экзистенциальная – определяет способность индивида к творческому воспроизводству. В связи с этим степень универсальности его целеполагания находится в непосредственной зависимости от универсальности его творческого «Я». И – наоборот, если учесть, что становление всякой сущности в равной степени носит объективный и субъективный характер, то есть выражено диалектически. Однако здесь встает вопрос, на который до сих пор не удается найти адекватный и удовлетворительный ответ: почему происходит так, что на процесс формирования целеполагания приоритетное воздействие оказывают нормы, принятые в обществе, которые подчиняют своим формальным основаниям принципы человеческой индивидуальности?

С методологической точки зрения здесь как нельзя актуальнее выглядят концепты Славоя Жижека. Благодаря ему понимание указанной проблемы становится проще, что позволяет исследователю выйти за пределы требующих нового осмысления марксистской, веберовской и структуралистской теорий. В чем же научная перспектива взглядов Жижека? На наш взгляд, жижековский принцип «если хочешь понять суть, изучи форму» представляет собой свежий мотив, предоставляющий безусловную возможность синтетического компромисса данных концептов. Любопытно, что выявление истины для их представителей становилось зачастую менее важным, чем обоснование актуальности собственно теории, на которую они опирались (и опираются) в своих изысканиях. Между тем необходимость интеграции наиболее значимых философских теорий назрела давно. Свидетельством тому может послужить следующее.

Сегодня принято говорить о капитале, его способности полагать себя в качестве самоцели, воздействуя таким образом на интенсификацию труда во имя Себя (Капитала), о способности вырабатывать в членах общества тотальность чувства собственности и присвоения. Так вот, чрезмерным здесь является само постулирование понятия «капитал» в качестве самостоятельного и автономного субъекта (личности, не имеющей телесно-чувственного носителя). Выражаясь по-марксистски, капитал стал полагаться в качестве безусловного стимула, определяющего субъектное целеполагание; он выявляет творческий характер целеполагания, одновременно ввергая его в узкие рамки своего самоутверждения. В этом смысле целеполагание, детерминированное капиталом (товарно-денежными отношениями), предстает, скорее, продуктом действия внешней необходимости, нежели имманентным феноменом, на деле актуальным лишь в интеграции с практической действительностью. Налицо тот факт, что понятие (означающее) превращается в субъект (означаемое), и ответственность за этот процесс лежит на самом субъекте. Разумеется, в условиях жесткого разделения труда, имеющего место в постиндустриальном обществе, человек вынужден заниматься определенным видом деятельности. И происходит это вовсе не потому, что там проявляются его творческие способности, а именно в силу внешних обстоятельств, в силу необходимости зарабатывать денежные средства для удовлетворения своих потребностей. Такая ситуация характеризуется как несвобода в условиях тотальности выбора (Э. Тоффлер). Иными словами, сам выбор человека не является свободным. А отношение его к определенной социальной группе, нахождение в которой только и гарантирует достаток, заставляет его всю жизнь заниматься чуждым ему по духу делом, которое со временем превращается в угнетающую его силу.

Разделение труда диктует также необходимость обмена продуктами труда, а в условиях капиталистических отношений последние предстают меновыми стоимостями. Таким образом, в процессе обмена потребительные стоимости превращаются в меновые, поскольку различные товары, репрезентирующие тот или иной вид деятельности, могут быть обменены только как равные [4, с. 210]. При этом рушатся осевые принципы процесса опредмечивания-распредмечивания, поскольку обезличенный субъект является производителем не вещи как таковой, а меновой стоимости. И несмотря на то, что еще Маркс в свое время говорил о тождественности деятельности и меновой стоимости, именно по-

стиндустриальный период с его переходом от преимущественного производства товаров к преимущественному созданию услуг репрезентировал данную проблему в такой плоскости, где указанная тождественность приобрела безусловность антиутопии.

Таким образом, разделение труда с его социально-психологическими последствиями наравне с капиталом предстает внешней силой, определяющей индивидуальное целеполагание. Здесь важно оговорить то, что разделение труда, на наш взгляд, является результатом общественного компромисса в условиях необходимости развития производственной деятельности и на условиях, поставленных обществом. Именно на условиях, поскольку в силу иерархичности и социальной дифференциации социальное меньшинство обладает безграничной возможностью диктовать свои условия большинству. В конечном итоге подобное положение вещей также конституируется как навязанное внешними обстоятельствами. А несогласие с «правилами игры» ставит инициатора несогласия в разряд чужих и асоциальных элементов. Подобная искусственно инспирированная человеческая общность представляется адекватному сознанию субъекта иллюзорной. Несомненным становится то, что социальность в подобных условиях противостоит отдельному индивиду как нечто чуждое ему. При этом остальные индивиды в большинстве своем также отчуждены, но в силу ряда причин этого не осознают. Все это ведет к ситуации, при которой индивид представляет в действительности не общественно полезные и в силу того подлинно человеческие интересы, а интересы социальной группы, к которой он принадлежит или за которой закреплен в качестве обслуживающей единицы. Фактически здесь имеет место превращение личности в усредненного представителя такой группы. Подчиненная ей, личность теряет индивидуальность, поскольку проявление последней становится aberrацией в условиях отчужденной коллективности.

Понимание данного фрагмента социальной картины современности предоставляет удивительную возможность осознания эфемерности индивидуального человеческого труда в постиндустриальном обществе, если он осуществляется во имя удовлетворения утилитарных потребностей отдельной социальной группы, а не творческого самовыражения. Не потому ли отчужденным нам представляется предметный мир вещей, созданный таким трудом, если мы вынуждены заниматься видом деятельности, навязанным нам со стороны и подавляющим нашу человеческую индивидуальность? Вот только можно ли обвинять в этом капитал, капиталистические отношения и все-таки абстрактную по своей сути внешнюю необходимость? Марксистское понимание этого вопроса во многом сводит решение данной проблемы к уничтожению частной собственности. Однако нельзя забывать о том, что конституции так называемых высокоразвитых государств заявляют о «незыблемости, неприкосновенности и священном характере» [2, с. 35] своих главных законов. Кроме того, совершенно естественным является то, что сам собственник не хочет поступиться институтом частной собственности [2, с. 36]. Стоит иметь в виду также и следующее. Более 30 лет назад Белл подчеркивал необходимость развенчивания ее тотальности: «...собственность сегодня представляет собой просто юридическую фикцию», – писал он [5, с. 397]. Для того чтобы убедиться в справедливости

его слов достаточно прекратить налоговые платежи. Отметим еще один важный аспект, о котором говорит Н.Д. Абсава: «Акционерная и корпоративная формы капиталистической собственности, предполагающие разделение капитала на действительный, или реальный (потребительная стоимость: средства производства, продукция) и фиктивный (стоимость: ценные бумаги – акции, облигации), превращает капиталиста в собственника лишь фиктивного капитала, тогда как действительный капитал выступает как собственность корпорации» [2, с. 42]. И нельзя не согласиться с ней в том, что развитая форма капиталистической собственности в постиндустриальный период становится «началом гибели этой самой собственности и предвещает появление новой коллективной формы собственности на действительный капитал или на потребительную стоимость» [2, с. 42].

Возвращаясь к проблеме частной собственности, зададимся вопросом: а не является ли апелляция к уничтожению данного института признанием слабости субъекта, который не в состоянии творить свою собственную судьбу, пусть и в условиях, от него не зависящих? На наш взгляд, такой подход нивелирует социальную и личностную ответственность субъекта, ограничивая его сознание, а значит, создавая жесткую психологическую грань, выйти за пределы которой не представляется возможным. Подобное *status quo* низводит активное гуманистическое начало в субъекте до уровня психологической инфантильности, рафинированной и автоматизированной практики, цель которой – банальное накопление капитала. Но это не только стремление к наживе и инвестированию в условиях невозможности удовлетворить многие физиологические и психические потребности, прежде всего сексуальные, как это было в XIX – начале XX веков, когда они не совпадали с духом стяжательства индустриального общества того времени. Это гедонистические интенции, актуализируемые без ограничения и в условиях фактического отсутствия социальной фильтрации. В подобном положении дел превращение означающего в означаемое вполне объяснимо.

Таким образом, процесс обмена в условиях капиталистических отношений представляет собой обмен меновыми стоимостями. Немудрено, что индивидуальное целеполагание оказывается в роли средства, а последнее трансформируется в цель: предметный мир, который создает субъект и который является средством *de jure*, начинает диктовать свои условия субъекту, поскольку в обществе царят жесткие капиталистические нравы и приняты правила, согласно которым люди должны произвести обмен эквивалентным товаром. Но «лицо» свое теряет не только отдельный индивид. Вспомним одну из важнейших черт постиндустриального общества, которая отражает изменения во взаимоотношениях между наукой, технологией, экономической теорией и политикой и их зависимость от успехов в области теоретического знания. Нет сомнений в том, что интересы социальной группы, занимающей место на вершине социальной иерархии, зачастую возводятся в степень общественных, которые якобы коррелируют с интересами социального целого. Очевидно, что речь идет о тех, кто задействован в системе государственного управления. Между тем сам аппарат государственного управления на деле предстает средством экономического отчуждения граждан: призванные использовать огромный инструментарий административной машины в интересах людей, чиновники зачастую представляют собой лишь умелых дело-

производителей, но не «народных слуг». При этом ими декларируется безусловная необходимость государственного аппарата, которая принимает законченный вид в качестве неприкасаемой субстанции, единственно мудрой и справедливой – государства. Разумеется, подобные явления имели место и в древности (подчинись, или тебя растопчут – ультиматум столь же древний, как сама тирания), однако именно постиндустриальное общество резко очертило противоречия между увеличивающимся бюрократическим аппаратом и все менее способными его контролировать людскими массами. Таким образом, налицо отчуждение субъекта от самого себя и его отчуждение от социума.

Summary

Z.K. Davletshin. Alienation in the Structure of the Purpose Creating Process in Post-industrial Society.

The article regards the problems of correlation of personal and social aspects in post-industrial society, and the role of subject in developing the latter. The subject's will is viewed along with the conditions of individual purpose-creation. The main research criterion is stating the alienation phenomenon as the crucial aspect of social relations.

Key words: purpose creating process, post-industrial society, alienation, social relations, capital.

Литература

1. *Парцвания В.В.* Философия труда // Отчуждение человека в перспективе глобализации мира: Сб. филос. ст. Вып. 1. / Под ред. Б.В. Маркова, Ю.Н. Солонина, В.В. Парцвания. – М.: Петрополис, 2001. – С. 142–156.
2. *Абсава Н.Д.* К вопросу о самоотрицании частной собственности // Человек. Государство. Глобализация: Сб. филос. ст. Вып. 3. / Под ред. В.В. Парцвания. – СПб.: С.-Петербург. филос. о-во; Тбилиси: Ин-т политологии АН Грузии, 2005. – С. 34–47.
3. *Франкл В.* Человек в поисках смысла. – М.: Прогресс, 1990. – 368 с.
4. *Яценко А.И.* Целеполагание и идеалы. – Киев: Наукова думка, 1977. – 275 с.
5. *Белл Д.* Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. – М.: Academia, 1999. – 787 с.

Поступила в редакцию
11.02.08

Давлетшин Зуфар Киямутдинович – соискатель кафедры социальной философии и культурологии Казанского государственного университета.

E-mail: zufard@rambler.ru